

К. И. Зубков*ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА ОБ УРАЛЕ И ПТОЛЕМЕЕВА ТРАДИЦИЯ В ГЕОГРАФИИ

Василий Никитич Татищев по праву считается первопроходцем научной географии Урала. Его определяющий вклад в изучение природы, хозяйства и населения региона обстоятельно освещен в ряде трудов по истории географической науки¹. К научным заслугам В. Н. Татищева относят прежде всего такое важное географическое открытие, как разработка представления об Урале как разделяющей Европу и Азию единой горной стране, а также прочное введение в научный оборот самого топонима «Урал», или «Уральские горы». Вместе с тем, практически во всех работах, посвященных научным исследованиям В. Н. Татищева на Урале, внимание уделяется прежде всего тем аспектам его концепции, которые либо напрямую соответствуют современным географическим представлениям об Уральской горной стране, либо превосходят их. Такой подход, к сожалению, формирует весьма односторонний, неоправданно модернизированный взгляд на творчество В. Н. Татищева, как и на общее состояние исторической и географической мысли XVIII в.

Представление об Урале как единой протяженной горной системе формируется в России достаточно поздно – лишь на рубеже XVII–XVIII вв. По крайней мере, составителям «Книги Большому чертежу» (конец XVI – начало XVII вв.) оно было еще вполне чуждым: наиболее высокий – северный – отрезок Уральского хребта, собственно и получивший название «Камень», еще никак не связывался ими с уже известными русским людям южными «Аралтовыми горами» (Уралтау), а сглаженная, часто вообще не замечаемая съемщиками средняя часть Урала едва ли вообще рассматривалась как непрерывная горная цепь². В документах второй половины XVII в. уже фиксируется название «Уральские горы»³, однако остается не вполне ясным, относилось ли это обозначение ко всей горной системе или же только к отдельным ее фрагментам. Как отмечал Е. В. Ястребов, название «Урал» широко использовалось С. У. Ремезовым, однако в его «Чертежной книге Сибири» (1699–1701 гг.) горный хребет еще изображался на разных листах подразделяемым на отдельные участки – «камни», которые фигурируют под разными названиями: «Камен Урал», «Камень», «Оурал Камен», не считая еще более дробных обозначений⁴. Один из первых источников, бесспорно фиксирующих формирование представлений об Урале

как протяженной горной системе, – «Описание Сибири» (по списку Императорской публичной библиотеки) конца XVII – начала XVIII вв., где упоминается проход Ермака «степью» (!) до «камня Верхотурского», который «лежит от моря-океяна поясом до моря Хвалинского высок и широк зело...»⁵. В этом отрывке нетрудно увидеть совмещение и старого, соответствующего мировоззрению средневековья, еще фрагментарного видения географии Урала, и попытки охватить фрагменты горной системы единством расширяющегося географического кругозора.

В. Н. Татищев первым из отечественных исследователей не только указал на значительную меридиональную протяженность Уральских гор («... начинаются на севере при Вайгаче меж рек Печоры и Оби и продолжаются гребнем или грядью до вершины Яика и по Яику до Оренбурга...»), но и определенно включил в их состав локальные горные участки, которые в разное время и при особых исторических обстоятельствах пересекались волнами русской колонизации («И по долгому оных положению разделяются на разные имяна, яко Павлинское и Верхотурия, Волчии против Катеринбурга, дале в Башкирии разные имяна, но собственно все татарский: Урал, или Пояс...»)⁶. Эта обобщенная характеристика Уральских гор, приведенная в «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» – первой русской энциклопедии, созданной В. Н. Татищевым в 1744–1746 гг. (в бытность его астраханским губернатором), – однако, не носит самостоятельного характера, но является частью описания более обширной горной системы, которую ученый обозначил как «Великий Пояс». В представлении В. Н. Татищева, от Оренбурга Уральский хребет раздваивался, непрерывно переходя в другие горные системы: одно его незначительное продолжение уходило «на запад по реке Самаре и до Волги», другие же отроги «поворотили к востоку от Китая». К востоку от верховьев Яика ученый выделял следующие горы: «Кичик, или Малые, дале около вершины Тобола – Китык, то есть Счербатые и Гребень, около вершины Иртыша – Алтай, по вершине Оби и до Енисея – Саян и Хатай, к вершине Селенги – Тукикин и проч.»⁷.

Тот факт, что В. Н. Татищев рассматривал Урал не как изолированную горную систему, но счел необходимым включить его в грандиозный по охвату земной поверхности географический конструкт «Великого Пояса», вероятно, следует объяснять и характерными представлениями географической науки XVIII в., и энциклопедическим кругозором ученого, который органично соединил в своем творчестве географические исследования с историческими изысканиями российских древностей. Несомненна связь татищевского концепта «Великий Пояс» с той географической картиной мира, которая складывалась в европейской науке

начиная с XV в. под влиянием вновь обретенного классического труда «География» Клавдия Птолемея (II в. н.э.). Стремление В.Н. Татищева соотнести непрерывно пополняемые в его время научные сведения о территории Урала и Сибири с Птолемеевой картиной мира отражало не только неотъемлемое каноническое требование науки XVIII в., но и огромный интерес ученого к древнейшей истории России. В трудах Геродота, Страбона, Плиния Старшего, Птолемея и других античных авторов В.Н. Татищев стремился черпать разнообразные сведения о древних народах, населявших территорию России, в том числе ее колонизируемых, только открывающихся для систематического изучения восточных окраин. В части сведений, относящихся к северо-восточным частям Евразии, Птолемей долгое время являлся непререкаемым авторитетом для европейских ученых; лишь медленный прогресс конкретных географических и исторических исследований вел к уточнению и опровержению тех смутных известий об окраинах ойкумены, которыми обладал античный мир в эпоху расцвета Римской империи.

Упоминаемый В.Н. Татищевым «Великий Пояс», несомненно, является переработанной рецепцией Птолемеевых представлений о протянувшейся через восточные области ойкумены горной системе Имаус. Прямое указание на это можно обнаружить, в частности, у П.И. Рычкова, который в своей «Топографии Оренбургской губернии» не только дает развернутую ссылку на татищевскую характеристику Уральских гор, но и, следуя описанному его учителем протяжению «Великого Пояса», прямо отождествляет его важнейшую часть – Алтайские горы – с упоминаемыми древними авторами горами Имаус⁸.

В XIV главе «Географии» Клавдия Птолемея Имаус – это протянувшаяся с запада на восток через всю Евразию длинная цепь гор, которая разделяет малоизвестную античным авторам Скифию на две части – соседствующую на западе с Азиатской Сарматией и Каспийским морем *Scythia intra Imaum* («Скифия перед Имаусом») и граничащую на востоке с Китаем *Scythia extra Imaum* («Скифия за Имаусом»). На крайнем востоке горы Имаус разграничивают эти области, уходя по меридиану с юга на север в неизвестные земли (*Terra Incognita*), лежащие по берегам Северного океана⁹. Уже в XIX в. было убедительно доказано (в том числе благодаря работам А. фон Гумбольдта), что Птолемеевы горы Имаус, вероятнее всего, могут быть отождествлены с почти непрерывной системой горных хребтов, протянувшейся от малоазийского Тавра на западе до Гиндукуша, Кунылуна и Гималаев на востоке (созвучное с топонимом «Имаус» санскритское *himavat* – «снежные» – отразилось в названии Гималаев). Уходящее же на север ответвление Имауса – это умоглядная экстраполяция в северном направлении меридионального горного

хребта Болор, который в позднеантичную эпоху служил в Центральной Азии границей между эллинистическим Востоком и практически неизвестной грекам и римлянам «Серикой» (Китаем). Примерные координаты северного ответвления Имауса, исходя из описания Птолемея, позволяют спроецировать его на крайнем севере гораздо восточнее Уральских гор, ближе к Алтаю – по течению Иртыша и Оби¹⁰.

В связи с тем, что координатная сетка, наложенная Птолемеем на различные доступные отождествлению географические объекты, отличалась большими погрешностями (например, долгота указанной географом реки Daix – современной реки Урал – смещена на восток более чем на 30°), его карта ойкумены уже в эпоху средневековья подвергалась не только неизбежным уточнениям, но и самым произвольным толкованиям. Это отчасти объясняет, почему протянувшаяся по меридиану северная часть горной цепи Имаус в XVII–XVIII вв. стала смещаться в западном направлении и нередко отождествляться с Уральскими горами. Например, уже Андрей Лызлов в своей «Скифской истории» (1692 г.) в основном следует Птолемию, указывая на широтное направление горной цепи, отграничивающей Скифию с юга («гора каменная Кауказ», «гора великая, Быкова реченная – по латине – Монс Таурус»), но приводит уже совершенно переосмысленную схему разделения северных пределов Скифии: «И меньшая половина Скифии, яже над морем Ассийским, называется Тартария великая. Разделяется же Тартария великая от Скифии Имаусом горою великою и знаменитою: еже со одну страну – то Тартария, а еже от сея страны – то Скифия»¹¹. Таким образом, известный с позднего средневековья географический концепт «Великой Татари», обозначавший зауральскую часть России, отождествляется Лызловым уже скорее с Птолемеевой Scythia extra Imaum, чем с Scythia intra Imaum. Вместе с тем следует заметить, что, несмотря на многочисленные переосмысления концепции Птолемея, примененный античным географом «секционный» принцип разделения земной поверхности по естественно-природным рубежам – значительным горным хребтам (Scythia intra Imaum и Scythia extra Imaum) и крупным рекам (India intra Gangem и India extra Gangem) – в силу неразвитости правил географической систематизации – продолжал придавать его «Географии» известное интеллектуальное обаяние и авторитет даже в XVIII в.

Можно с большой вероятностью говорить о том, что и В. Н. Татищев не избежал в своих историко-географических описаниях этого влияния. Однако у В. Н. Татищева мы находим Птолемееву схему существенно переработанной, о чем свидетельствуют соответствующие разделы созданной им «Истории Российской...». В главе XI («Скифия и обитание») первой части своего важнейшего исторического труда

В. Н. Татищев осуществляет обстоятельный критический разбор античных географических описаний Азии, отмечая «баснословия» и существенные несогласованности в позициях отдельных древних авторов, в частности, Геродота и Птолемея. Выясняя место обитания скифов «внутри Имая или гор Имайских», В. Н. Татищев дает собственную трактовку географического положения гор Имаус, которая позволяет отчасти объяснить встречающиеся у античных авторов разночтения. По мнению ученого, главное направление этих гор вполне согласуется с описанием Геродота, который «их кладет с горами Тауринскими или Каспийскими, от которых Имаус в Индию происходит». Собственно же Птолемеевы горы Имаус – это, по В. Н. Татищеву, отделившаяся от южной и сдвинутая к северу параллельная горная цепь, протянувшаяся на восток от Каспийского моря по рекам Окс и Яксарт (Аму-Дарья и Сыр-Дарья) («По сему оныя Имайския горы, как мною, надлежит разуметь в Бухарии, отделившись от Юга великого пояса, которыя ныне Кичик Тау, то есть малыя горы, и Алтау гл. 18 именуются...»)¹². Вслед за этим В. Н. Татищев еще раз уточняет свое понимание Птолемеевой схемы, отметив, что «Скифы внутри Имая суть народы, живущие к востоку и югу от Аральскаго моря, Трухмени, Арали, Хива, Бухария великая, Каракатай и часть не малая Персии граничащая к оным...», а «Скифы за Имаем положены, где ныне Монгалы, Зюнгоры и часть Бухарии, как у Птолемея о том написано...»¹³. Таким образом, В. Н. Татищев, стремясь следовать авторитетным указаниям Птолемея, в то же время заметно ревизует его схему, осуществляя, вслед за Лызловым, «разворот» гигантской горной цепи Имаус на карте Евразии на 90° и отождествляя ее северное ответвление с «Великим Поясом», включающим Уральский хребет. Это позволяет В. Н. Татищеву дать свою, оригинальную интерпретацию и античным представлениям о так называемых Гиперборейских горах, протянувшихся с запада на восток и отделивших ойкумену от необитаемых северных окраин мира. Отождествив «полунощную» страну «Гиперборею» с Сибирью, В. Н. Татищев одновременно полагал, что именно эту страну «Птолемея же в своих картах Скифия за Имаем имянует»¹⁴. Отказываясь считать Гиперборейские горы древних авторов простой фикцией, ученый предположил, что в этом мифологичном образе отразились дошедшие до Греции и Рима сведения о горах «Великого Пояса»: «... Горы же Иперборейские не иначе разуметь надлежит, как от нас так у Татар поясныя, или Урал и Алтайския именовань»¹⁵.

Таким образом, привязывая северное протяжение Птолемеевых гор Имаус к линии невысоких гор и возвышенностей (Тургайское плато, Казахский мелкосопочник), соединяющих Мугоджары и южный Урал с Алтаем и Саянами и очерчивающих тем самым

естественные пределы «Великой Татарии» как особого географического и исторического мира, В. Н. Татищев одновременно отождествил этот горный пояс с Гиперборейскими горами. Предложенный ученым географический конструкт «Великого Пояса», берущий свое начало в Птолемеевой концепции, можно рассматривать как одну из первых интереснейших попыток географической систематики территории России, сочетавших в себе классические традиции и научные открытия века Просвещения. Концепция В. Н. Татищева отразила переходное состояние географической и исторической наук в XVIII в., когда нахождение соответствий новейших результатов научных исследований с представлениями античных авторов считалось одним из канонов научности.

Примечания:

¹ См.: Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы. Пермь, 1971. С. 56–65; Архипова Н. П. В. Н. Татищев – первопроходец уральской географии // Уральская старина: литературно-краеведческие записки. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 38–72.

² Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М., 1970. С. 212–213.

³ Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Указ. соч. С. 54.

⁴ Ястребов Е. В. Уральские горы в «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова // Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 1(38). М., 1972. С. 45–47.

⁵ Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. С. 369.

⁶ Татищев В. Н. Избранные произведения / под общ. ред. С. Н. Валка. Л., 1979. С. 207.

⁷ Там же.

⁸ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 121–122.

⁹ The Geography of Claudius Ptolemy, Greek geographer of the 2nd century A. D. / Transl. and ed. by E. L. Stevenson. N. Y., 1932. P. 144.

¹⁰ Dictionary of Greek and Roman Geography: In Two Volumes / Ed. by W. Smith. Vol. I. L., 1856. P. 40–41.

¹¹ Андрей Лызлов. Скифская история. М., 1990. С. 9.

¹² Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1, ч. 1. М., 1768. С. 82–83.

¹³ Там же. С. 83.

¹⁴ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России / под ред., со вступит. ст. и коммент. А. И. Андреева. М., 1950. С. 176.

¹⁵ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1, ч. 1. М., 1768. С. 83–84.